

В. Бронников
Наталья Дикина

Дядя Паша

Валерий Викторович Бронников Наталья Валерьевна Дикина Дядя Паша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34450329

SelfPub; 2018

Аннотация

Неповторимая северная природа с красотами спокойного и разбушевавшегося моря завораживает и очаровывает. Этой красотой любят суровые люди – поморы, порой не замечая этой красоты. Поморские деревни в большинстве своём стали вымирающей частью России: дома заброшены, промысел угас, навыки промысловиков канули в лету. Выросшие потомки, видевшие своими глазами труд родителей и дедов, навещают изредка свои родительские дома, занимаясь промыслом для своего развлечения. Рисунки Натальи Дикиной.

Содержание

Дядя Паша	4
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дядя Паша

Было темно. Павел включил фонарь, который высвечивал бледные с чёрными разводами лица своих подчинённых. Ему не было необходимости спускаться в шахту, но так уж он привык, проверять всё лично, не доверяя докладам и тому, что говорят простые шахтёры. Точнее он доверял, но выработавшаяся с годами привычка, проверять всё лично, не давала ему покоя и в этот раз.

Закон сработал и тут: начальство спустилось в шахту, значит, что-то должно случиться. Оно и случилось: не успел Павел Алексеевич осмотреться, как погас свет. Хорошо, что подъёмник не отключился на середине пути. Вот была бы потеха!

«К чёрту!» – подумал Павел, – «Надо брать отпуск и ехать на родину, на Север, туда, где я всегда чувствую себя спокойно и безмятежно».

По лицам шахтёров он понял, что виноват во всём он один. Когда-то Павел сам был рядовым шахтёром и знал, что начальству в забое делать нечего, если всё идёт по плану, без сбоев и без аварий. Начальство всегда мешает не только здесь, а на любой работе, вмешиваясь со своим уставом в размеренную жизнь коллектива, где каждый человек является маленьким звёнышком в большом механизме. Посторон-

няя деталь может остановить работу всего механизма.

– Ну, вот, я так и знал, что сегодня мы ничего не заработаем! – сказал рослый шахтёр по фамилии Цыбулько, поглядывая на Павла.

Павел понял, что реплика направлена в его адрес, но ничего не сказал.

Цыбулько провёл рукавом по лицу. Даже при тусклом свете фонаря было видно, что проделывал он это не один раз, о чём свидетельствовали чёрные потные разводы.

– Ты начальству лицо тоже почисти! – тут же подковырнул ему сосед, – Видишь, свет специально выключили, чтобы лучи от твоего лица не отражались и не слепили глаза высокому гостю. Как будем подниматься, если света совсем не будет? – спросил тот же голос.

– Лебёдку будешь крутить руками, а мы все поедем. Твоя очередь крутить ручку. Чего беспокоишься, если начальство здесь присутствует! – сказал кто-то из-за спин.

Павел знал, что горняки его уважали. Он не был прилизанным выскочкой из семьи высокопоставленного чиновника, а прошёл всю «кухню» горняцкого дела с самых низов, заслужив к себе уважение горняков.

Мысленно он сразу оценил ситуацию. Особо беспокоиться пока не о чем. Плохо только то, что без электричества не работают вентиляционные насосы и через некоторое время станет жарко и душно из-за нехватки кислорода. Он также знал, что наверху сейчас принимают все меры, чтобы устра-

нить аварию, если таковая была. А иначе, зачем бы отключать электричество?!

– Общий перекур! – сказал он, – Огня не разводить! Беречь аккумуляторы и кислород. Я спустился специально, чтобы проверить, не обижает ли народ шахтёра Цыбулько, но вижу, что всё в порядке.

– А нас сегодня поднимут? – спросил молодой парень.

– Поднимут обязательно. Чего беспокоишься? Здесь не море, штормов нет, сиди себе, отдыхай!

Кто-то спросил:

– А Вы были на море?

– Я там родился. Выловил пока не всю рыбу, но к этому стремлюсь. А сёмга там ловится в аккурат с твой рост, да и по весу ты от неё не далеко ушёл.

– А я моря не видел, – произнёс тот же голос.

– Вот и зря. Море, оно знаешь какое! – Павел развёл руки в стороны, – Словами не описать, его надо видеть и чувствовать.

– Как это чувствовать?

– Ты шахту хорошо знаешь?

– Как свои пять пальцев!

– А я знаю так море. Отец в детстве научил всему, что знал сам: и под парусом ходить, и от шторма спастись, и рыбу ловить.

Павел вырос в поморской огромной семье. Из рассказов взрослых он знал, что его отец свою жену украл в городе Архангельске; по обоюдному согласию, но украл, поскольку отдавать ему в жёны прислугу никто не собирался. Знал он

также и то, что отец привёз его мать на вёсельной лодке по открытому морю в свою деревню с долгими остановками по пути, гульбой и маленькими приключениями, что было обыденной поморской размеренной жизнью. Он не был старшим в большой семье, но отец умудрился настрогать своих детей быстро и без проблем. То ли ему помогали поморы, то ли сам был такой специалист, теперь этого никто не знает и не помнит, а, может, бывшие его невесты помнят, но молчат. А мужикам вообще нет никакого дела, кто кого настрогал. Они всё время в море, на промысле.

Впрочем, отец Павла был не один, кто имел большую семью. Десять-двенадцать детей в семье в послевоенное время было нормой, а дети стали рождаться один за другим ещё до войны. В те годы как-то не задумывались о прокорме. Семьи жили бедно, но море кормило всех, независимо от статуса и количества детей. Дети сами родителям помогали, подбирали всё, что море выкинет на берег. Прежде всего, они были заготовщиками дров на зиму, подбирали палки, доски, маленькие брёвна – всё, что приносило море.

А уж по заготовке ягод, грибов, морских водорослей детям не было равных! Павел подчинялся старшим и командовал младшими братьями и сёстрами. Так было принято, так водилось испокон веков. Дать затрещину младшей сестрёнке считалось в порядке вещей. Зря, что ли, он столько времени проводил в няньках! Правда, при этом как-то забывалось, что и с ним нянчились, меняли штаны и ставили в угол.

Отец, Алексей Сергеевич, был в семье царь и Бог. Он так и говорил: «Я царь и Бог!». Дети его побаивались. Не боялась его только жена, которая не пропускала его слова мимо ушей и на каждое слово находила отговорку. Детям было всё равно, о чём там перепираются между собой родители. Босоногая команда большую часть времени пропадала на улице, забывая вовремя прийти на обед и доложить хоть кому-нибудь о месте своего нахождения.

– Не отставать! – командовал Павел младшим сестрёнкам, перепрыгивая босыми ногами с камня на камень, – На мелкие камешки не наступайте, тогда они и колоться не будут!

Девочки всё равно ступали на мелкие камни. Острая боль пронизывала щиколотки, но они терпели, боясь прогневить старшего брата, от которого тут же можно было получить затрещину, а этого не хотелось. Бил он хоть и не сильно, но было больно.

Всё это врезалось Павлу в память на всю жизнь. Это потом, когда он стал взрослым, уехал на Украину и стал работать, Павел вспоминал эти годы, как что-то очень светлое и радостное. Его тянуло туда, в свою деревню, на Север, к Белому беспокойному и холодному морю. Мысленно он был всегда там. У него появились дети, которые не видели моря и, которым родиной стала другая земля, но у него родина была своя, та, где он провёл босоногое детство. Другой, лучшей жизни, он потом не видел. Может, став взрослым и приобретя кучу забот в своей семье, Павлу было просто не до

красот природы, а, может, он просто терпел и в душе ждал, когда придёт та самая минута отъезда его на Север. С семьёй ехать или без семьи, ему было всё равно. Для него стало главным увидеть снова море, отмели на малой воде, неугомонных чаек; почувствовать неповторимый запах морских водорослей, добыть своими руками огромную сёмгу, как когда-то они вынимали её из сетей с отцом; встретить постаревших деревенских поморов – всё это стало его настоящей жизнью, от которой он уехал в далёкие края, в столичную провинцию со смогом, шумом, пылью, сутолокой. После работы на шахте, уже пенсионером, Павел обосновался в Москве у старшей дочери – так хотела его супруга, с которой они прожили всю свою долгую жизнь. Старшая дочь рано овдовела. Муж развивал сеть автозаправок, занимался доходным бизнесом, но не суждено было сбыться его планам. Он пропал, исчез бесследно. Милиция искала, искала, но не нашла, а, может, и не хотела искать? Кому надо искать человека, которого закатали в асфальт или замуровали в бетонную стену? В те беспокойные годы людей бесследно пропадало много, а милиция только выполняла следственные действия, не очень стараясь под нажимом бандитов и беспредельщиков.

Дед с бабкой и воспитывали подрастающее поколение старшей дочери.

– Море, оно же огромное, – перебил его размышления Цыбулько, – Как его можно всё знать?

– Ты тоже огромный, но тебя же все знают! – возразил

Павел.

Шахтёры рассмеялись

– Его знаем, – слышались возгласы, – Он в шахте без фонаря и шагу сделать не может! Его даже в лифте укачивает. Домой приходит синий, как рак.

– Рак разве синий? – спросил Павел.

– Рак красный, но Цыбулько синий. Он всё время трёт лицо, оттого и синий, но похож на рака.

– Сам ты рак, – огрызнулся Цыбулько, – Не мешай слушать про море. Я море видел только на картинке, но знаю, что оно проглатывает целые океанские корабли, а тут рядом человек, который рассказывает, что по морю можно плыть на вёсельной лодке.

– Не только на лодке, – задумчиво сказал Павел, но и на плоту, и на льдине. Прижмёт, можно плыть на всём, лишь бы держаться на плаву. А ещё по нему можно ходить пешком, когда оно замерзает. Но всё море не замерзает, а только заливы в прибрежной полосе. Мы ещё пацанами делали из плавника, досок и брёвен, выброшенных на берег, плоты и на них катались, за что нас постоянно родители охаживали вицами или вожжами по одному месту. У многих были только матери, которых дети, особенно пацаны, никогда не слушались. Отцы или погибли на войне, или их забрало море. У поморов так бывает часто, что с моря возвращаются не все. Мне повезло. Я рос при родителях. У своего отца всему и научился.

– Там воды много, а здесь иногда даже умыться нечем. Крым от нас недалеко, а воды нет совсем, если, конечно, не считать солёное море, – задумчиво сказал Цыбулько.

Свет появился так же внезапно, как и исчез. Вспыхнули электрические лампочки, спрятанные в стеклянные герметичные колбы, защищённые от возникновения случайной искры.

– Давай, показывай хозяйство, – сказал Павел бригадиру, – Иначе Цыбулько без работы совсем пропадёт.

– Хозяйство в порядке.

Шахтёры, оставшиеся без внимания начальства, разошлись по рабочим местам.

А Павел и бригадир пошли осматривать своё подземное хозяйство. Бригадир знал, что начальник замечает все мелочи, поэтому не пытался ничего скрыть, а наоборот, советовался, как поступить в том или ином случае. А Павел уже твёрдо знал, зачем его потянуло в шахту: он думал об отпуске, а значит, надо быть уверенным, что без него ничего не произойдёт непредвиденного.

На одном из поворотов они чуть не наступили на крысу, которая грызла какой-то сухарь, попавшийся ей от оставшегося обеда горняков. Она глядела на людей маленькими глазками, но добычу свою не выпускала. Через мгновение, вильнув хвостом, крыса скрылась между кусками породы, так и не выпустив свой обед из передних пап.

Запах скопившегося газа, пока не работали вентиляторы,

давал о себе знать.

– Как считаешь, Иванов потянет на моём месте? – спросил Павел бригадира.

– А ты куда? – ответил вопросом на вопрос бригадир.

– А я к морю, хочу взять отпуск и съездить на свою малую родину.

– Будь спокоен, шалить ему не дадим. А съездить надо. Все мы когда-нибудь берём отпуск.

– Понимаешь, сколько лет я уже здесь, а всё тянет туда. Жена иногда упирается, но едет, а теперь, когда дети подросли, я могу ездить и один.

– Одному нельзя. Сам говорил, что женщины без мужей остаются, приберут к рукам.

– Насовсем не приберут, а на время я и сам не откажусь. Разве это плохо, когда люди находят друг друга? – и сам себе Павел ответил:

– О курортных романах все наслышаны, но и в суровых северных краях романы случаются не реже, только об этом меньше говорят.

Два человека долго бродили по ветвистым коридорам, осматривая большое подземное хозяйство. Оба остались довольны порядком и оба вернулись к подъёмнику. Бригадир не пожелал отправлять начальника обратно одного.

– Ну, будь, – сказал Павел, – Я наверх. Буду готовить себе заместителя.

– Давай, увидимся, – ответил бригадир.

Стоя в кабине подъёмника, Павел вспоминал далёкие годы своего детства. Он не был ребёнком-суперменом, но как-то получалось так, что девочки обращали внимание именно на него. То ли ему по наследству от отца досталась способность увлекаться слабым полом, то ли он раньше других повзрослел, но его тянуло к девочкам, своим одноклассницам, а ещё больше он заглядывался на тех девушек, которые были старше на год или два. Так и случилась у него первая любовь ещё в детском возрасте. Зойка училась в восьмом классе. Она была несколько крупнее своих сверстниц, с округлившимися формами, с большой, не по возрасту, грудью, на которую поглядывал не только Павел, но все мальчишки. А ещё Зойка обладала прекрасными пушистыми светлыми волосами, которые она собирала в две косички, заправленные бантиками из голубой ленты, располагавшимися где-то на уровне копчика. Получалось так, что дёрнуть за бантик было не всегда прилично, в отличие от других девочек, которые не имели таких длинных волос.

Эти бантики дразнили, приманивали, бередили Пашкину душу. Мысли же свои он носил только в себе, поделиться было не с кем. Со своими сестрёнками он дружил, но не доверять же свои тайные мысли сестрёнкам или друзьям! Он понимал, что всё станет известно сразу же всей школе.

Зойку он подкарауливал на улице, ходил сзади, когда она, весело щебеча, шла куда-нибудь с подружками; делал независимый вид, как будто оказался он вблизи совершенно случайно.

А ещё Павел побаивался Зойкиного отца, приёмщика рыбы, который выглядел крупным мужиком ходившим всегда с портфелем и носившим, единственный в деревне, круглые очки, делавшие его глаза какими-то большими и строгими. Ираклий Иннокентьевич, как все его уважительно называли, держался особняком, свысока глядел на деревенских мужи-

ков, не далеко ушагавших в постижении грамоты. Он умел быстро считать в уме, но всегда пользовался большими деревянными счётами, считая, что так он выглядит намного солиднее. Он смотрел на клиента, сдававшего рыбу, наклонив вниз голову, из-под очков, пронизывая своим взглядом насквозь. Поэтому сдаваемая рыба всегда оказывалась низкого сорта и весила почему-то меньше, чем предполагал тот или иной рыбак. Ему верили и получали деньги только за то, что насчитал приёмщик. Выходя на улицу, мужики ворчали, сами пытались подсчитывать свой улов, но подсчитывать было уже нечего: первосортная рыба лежала на складе, дожидаясь, когда придёт за ней судно и, создавая излишки, которые учёту и контролю не подлежали, а уходили в неизвестном направлении. Направление, вообще-то, было известно, но об этом как-то среди рыбаков очень не распространялись, ведь когда-то снова придётся идти на склад к Ираклию Иннокентьевичу и трепетно ожидать, чтобы при приёмке сорт рыбы оказался выше.

Ираклий Иннокентьевич сам рыбу не ловил, считая, что это занятие ниже его достоинства, но и без рыбы не жил, имея возможность накормить семью и угостить гостей со своего склада, сильно не утруждаясь и не рискуя своей жизнью среди волн холодного Белого моря. Рыбаки знали эту его особенность, но закрывали на это глаза. На складе количество рыбы всегда соответствовало документам, а откуда она появлялась на столе, над этой проблемой никто не задумы-

вался. А если кто-нибудь и задумывался, то доказать ничего не мог и не хотел лезть на скандал.

Вот этот человек и был Зойкиным отцом. Не боялась его только Зойка. Павел ребёнок не робкого десятка, но куда ему тягаться со взрослым мужчиной, которого боялись и почитали все соседи!

Завидев Зойкиного отца, Пашка скрывался, оставляя свою жертву на некоторое время одну. Как подступиться к Зойке, он не знал и что ей сказать или говорить, он тоже не знал. Пашка знал твёрдо только то, что Зойка ему нравится и уступать её кому-либо он не желал.

Однажды Зойка оказалась рядом с ним в кино. То ли распорядилась так судьба, то ли это была причуда кассира, но Пашка, сев на своё место, увидел рядом с собой Зойку, которая весело щебетала с одноклассницами и другими знакомыми девчонками, не обращая на Пашку никакого внимания.

Свет в зале погас и начался фильм. Вот какой был фильм, Пашка не помнил. Он смотрел не на экран, а на руку Зойки, которая была от него всего в нескольких сантиметрах.

Преодолев страх, Пашка протянул свою руку и взял Зойкину ладошку. Вопреки его ожиданиям, Зойка не убрала руку, а как-то странно на него глянула и опять повернулась к экрану. Пашка держал маленькую ладошку, боясь неосторожным движением спугнуть так неожиданно свалившийся на него этот счастливый миг.

Он не мог смотреть кино, не мог дышать, не мог даже по-

шевелиться, чтобы всё случайно не испортить.

Всё нарушил киномеханик, который по окончании первой части фильма, включил свет в зале. Такого удара Пашка не ожидал. Он вынужденно быстро отдернул свою руку, не понимая, почему с ним так жестоко поступили. Пашка огляделся по сторонам. Все сидящие в зале люди спокойно ждали, когда киномеханик зарядит плёнку в аппарат и снова потушит свет. Им никакого дела не было до Пашки и его переживаний.

Когда свет снова погас, сколько ни всматривался Пашка в темноту, Зойкиной руки он на прежнем месте не увидел. Что делать, он не знал. Пропустив половину фильма, вторую часть ему смотреть было совсем неинтересно.

Неожиданно он почувствовал, как Зойка сама придвинула свою руку к его руке. Тут уже Павел не растерялся и ухватил её тёплую ладошку, которую не выпустил до окончания фильма.

С этого дня они хоть и стеснялись друг друга, но стали чаще видаться вне школы уже не на дальней дистанции, а рядом. Пашка Зою поджидал, провожал в школу и из школы, но её родителям на глаза показываться боялся, зная, что Зойкин отец не одобрит такую дружбу.

– Зоя, завтра выходной, – сказал как-то тёплым майским днём Пашка, – Пойдём, погуляем.

– Пойдём, а куда?

– Ну, сходим до заброшенной деревни. До неё всего-то

десять километров. К вечеру вернёмся. Возьмём с собой по бутерброду.

– Тогда ты бери бутерброды, а я пойду налегке, иначе меня из дому не выпустят.

– Хорошо. В девять утра я буду ждать на опушке леса.

Утром они встретились, как договаривались. Удивительно, но они пришли почти одновременно без опозданий.

– Тебя отпустили? – спросил Пашка.

– Я сказала, что пойду с девочками из класса в поход. С девочками меня отпустили.

Павел смело взял Зойкину руку. Так, взявшись за руки, они и пошли лесной дорогой к посёлку. Через полкилометра широкая дорога превратилась в узкую, наезженную лошадьми, дорогу. Деревья всё ближе и ближе подступали к краям дороги, почти смыкая вершины над головой. Даже в солнечный день здесь был какой-то полумрак и веяло прохладой.

– А мы не заблудимся? – спросила Зойка.

– Здесь блудить совсем негде. Дорога одна, она идёт вдоль берега моря, но в лесу, так прямее.

– Как-то здесь страшно, – Зойка прижалась к плечу Павла.

– Бояться не надо, ты же со мной! Здесь кроме медведей и других лесных обитателей никого нет, а звери человека боятся и никогда близко не подходят.

Прямо из-под ног выпорхнул зазевавшийся косач, собиравший камешки на дороге и случайно потревоженный

непрощеными путниками. Вздрогнули одновременно, Зойка от испуга, а Пашка от неожиданности. Тетерев, хлопая крыльями о хвою, скрылся в тёмном нутре высоких ёлок.

– Говорил не бояться, а сам вздрагиваешь!

– Я вздрогнул просто от неожиданности, больше не буду.

Зойка то ли инстинктивно, то ли от испуга взяла Пашку под руку и к нему прижалась, дрожа всем своим маленьким тельцем. Какое-то время они так и шли, прижимаясь друг к другу.

Дорога никак не кончалась. Она немного петляла, изгибалась, но была, казалось, бесконечной.

– Я уже устала, – сказала Зойка.

– Потерпи. Мы идём уже долго, скоро эта дорога должна кончиться. Она выйдет к берегу моря, прямо к деревне.

– Откуда ты всё знаешь?

– Я был там с отцом. Мы осенью ставили сети и собирали бруснику. Эту деревню основали ссыльные. Сталин раскулачивал зажиточных крестьян и высылал их на Север. Под эту гребёнку попадали не только зажиточные, но и те, которые почти ничего не имели. Шло великое переселение с южных областей в наши северные районы для освоения богатств Белого моря. Постепенно люди перебрались в другие посёлки, а деревня Лопатка осталась стоять на своём месте, но только без людей.

– Чего же здесь люди делали?

– А то же самое, что и наши родители: ловили сёмгу, добы-

вали морского зверя, заготавливали водоросли. Страна требовала этого добра всё больше и больше. Люди работали, можно сказать, даром, только за то, что они здесь жили.

Впереди деревья стали расступаться, обнажая заросшие травой поля. Молодая зелёная травка ещё только пробивалась, поэтому поля были не зелёными, а грязно-жёлтыми.

– Вот и деревня! – воскликнул Пашка, – Мы шли совсем недолго. Видишь, стоят дома. Они для жилья уже не годятся. Без ухода, отопления и своих хозяев они просто гниют.

– Жалко! Это не один дом и не два, а целая маленькая деревня.

– Дорога здесь вышла на берег и дальше тянется вдоль моря по берегу до следующего посёлка. Отсюда будет километров тридцать, не меньше.

– Что-то я уже проголодалась.

– Сейчас разведём костёр и поедим. Ой! Я, кажется, не взял спички! У тебя есть спички?

– Откуда у меня могут быть спички?

– Ладно, обойдёмся без костра. Пойдём в какой-нибудь дом.

Дети долго пристраивали найденные доски для широкой лавки, чтобы удобно было сидеть. Пашка сел рядом с Зойкой, достал бутерброды и, неловко обняв её за плечи, стал угощать.

– А нельзя без обниманий?

– Нельзя, – серьёзно сказал Пашка, – Ты очень красивая

и мне сильно нравишься.

Он притянул Зойку к себе. Запах её волос дурманил и не давал сосредоточиться на чём-то главном, что Пашка хотел сказать. Его губы беззвучно шевелились и только дрожь, пробегающая по всему телу, выдавала его волнение.

– Я тебя очень люблю! – прошептал он.

– Ты мне тоже нравишься, – так же тихо, боясь, что их кто-то может подслушать, ответила Зойка.

А дальше случилось то, что и должно было случиться. Пашка, прижимая Зойку одной рукой к себе, другой рукой её раздевал. Девушка не сопротивлялась и только повторяла:

– Пашенька, не надо, не надо. Меня родители не поймут.

Потом, когда они уставшие, стыдливо одевшись, лежали на досках, Зойка сказала:

– Больше я с тобой гулять не пойду.

– Почему?

– А ты сам не понимаешь? Меня теперь из дому совсем не будут выпускать.

– Разве об этом кто-то узнает?

– Узнают. В деревне всегда все обо всём узнают. Надо идти домой. Мы и так придём только к вечеру. А я боюсь идти по лесу.

– Пойдём тогда по берегу моря, но этот путь длиннее, придётся огибать все мыски. Сейчас идёт отлив. Идти по берегу не будет никаких проблем. Ну, что решила? По берегу?

– По берегу.

На берегу было не так уютно, как в лесу, но зато не так страшно. Единственный, кто нарушал тишину – это море. Оно шумело, шептало, нарушая тишину и приглушая звук шагов по морской обкатанной волнами гальке. Вода ушла далеко, обнажив огромные территории песчано-глиняной насыпи, на которой резвились прибрежные птицы, выискивая червей, моллюсков, рачков, всё, что пригодно в пищу.

Вместо положенных двух часов ребята шли целых три часа. Уставшие, они добрались до деревни только к позднему вечеру. Разошлись заранее, и каждый зашагал отдельно к своему дому знакомой дорогой.

До окончания учебного года Зоя и Паша вне школы больше не встречались. Как-то так получалось, что всё время были какие-то дела: сначала подготовка к экзаменам, потом экзамены, а в свободные минуты родители всё время подкидывали какую-нибудь работу, как будто специально отнимая выдавшиеся свободные минуты.

На выпускной вечер Зойка не пришла. Сколько ни высматривал её Павел, она так и не появилась, а потом исчезла совсем. Поговаривали, что она то ли уехала поступать в учебное заведение, то ли устраиваться на работу.

Пашка заскучал. Точнее скучал он только тогда, когда было свободное время. Алексей Сергеевич сильно скучать не давал. Подошло время основных заготовок, а начались они с заготовки дров. Весенние майские шторма выбросили на берег очередную партию леса, по разным причинам оказав-

шегоя бесхозным и свободно плавающим по воле волн. В конечном итоге этот лес в виде брёвен и всякого хлама всё равно оказывался на берегу.

– Ты чего, тянешь пилу, как сонная муха? – ругался на него Вовка, старший брат, видя, что Пашка с отрешённым взглядом всё время о чём-то думает.

– Я тяну хорошо, – огрызнулся Пашка, – Это ты пилить совсем не умеешь, поэтому у тебя все виноваты.

– Вот пилой-то проеду по твоему языку, тогда пилить сразу научишься! – сердился Вовка, старавшийся не допускать, чтобы младшие поучали старших.

Сестрёнки в спор не ввязывались, стараясь вообще не попадать Вовке на глаза, чтобы случайно не попасть под горячую руку. Пашку они тоже побаивались, но не так сильно, как Вовку.

Младшая Валька, пожалуй, одна никого не боялась, поскольку её, как самую младшую, все жалели и берегли, даже работать не заставляли. Она сама по своей инициативе поднимала маленькие отпиленные чурки и по одной носила их к поленнице, где другие сёстры, по возрасту старше её, складывали дрова в поленницу.

– Вова, у меня полено в руку попало! – подошедшая Валька старалась протиснуться перед Вовкой и лежащим на козлах бревном, протягивая руку вверх к его лицу.

– Не полено, а заноза! – поучал Вовка, – Теперь рука у тебя отпадёт.

У Вальки стали наворачиваться на глаза слёзы. Старшему брату она свято верила, верила во всё, что он говорил.

– Вынь занозу. Я не хочу, чтобы рука у меня отпадывала.

– Так и быть выну, если будешь хорошо работать.

– Я буду хорошо, я буду тебя слушаться.

Вовка ловко ногтем подцепил занозу и вытащил, благо та сидела неглубоко.

– Теперь рука у тебя не отпадёт, можешь работать.

Валька довольная молча разглядывала свою руку, как будто видела её впервые.

– Ты опять на ходу засыпаешь, – переключился Вовка на Пашку, а, чтобы досадить брату, он сказал:

– Это тебе не с Зойкой гулять!

– Они в лес ходили, – тихо сказала Валька, сразу выдав брата с головой.

Откуда она могла знать – это осталось для Пашки загадкой. Он молчал. А чего отпираться, если все знают, но помалкивают? Только Валька проговорила по своей детской простоте.

Пашка и в самом деле думал о Зойке, но Зойки не было. Она исчезла внезапно, ему ничего не сказав. Он сейчас вспоминал, как они целовались и, как им вдвоём было хорошо. А пилу он и в самом деле не успевал иногда вовремя дёрнуть к себе. От этого Вовка на него и злился.

Чайки, занимавшиеся на отливке промыслом, с оглушительным криком резко взмыли вверх, гонясь друг за другом

и выделявая немислимые пируэты.

Гошка достал из кармана рогатку и выстрелил камешком мелкой гальки в сторону этого кричащего полчища. В чаек он не попал, но они раскричались ещё сильнее, теперь жалуются на Гошку, который хотел их обидеть.

– Надо идти за селёдкой, – глядя на обнажающиеся няши, сказал Вовка, – Иначе чайки подпортят рыбу, а приёмщик опять снизит сорт. Пойдём, – скомандовал он Пашке.

Пашка молча пошёл вслед за братом к дому. Дома ребята сняли обувь, задрали штанины выше колен и, взяв пустую тару, отправились на отмели, где были выставлены сети на селёдку. Чайки сидели на сеточных кольях, карауля, когда вода упадёт настолько, чтобы показалась рыба, запутавшаяся в ячейках. Валька увязалась вслед за братьями. Её никто не звал, но никто и не прогонял, поскольку она и так была босая.

Рыбаки, забредя немного в воду, чтобы отпугивать чаек, продвигались к сеткам вслед за отливом. В обнажавшихся из воды ячейках заблестели на солнце рыбёшки.

– Сегодня у нас улов! – сказал Вовка, – Отсюда видно, что рыбы много.

– Значит, опять работа, – понуро ответил Пашка.

– А тебе бы только не работать. Валька и та увязалась за нами на работу. Вот уж её никогда не надо заставлять!

– Она знает, что полные корзины ей не нести, вот и радуется. Послал бы ты её за остальными нам в помощь.

– Не надо, сами справимся, не в первый раз!

Чайки теперь не сидели на кольях, а пикировали к сеткам, пытаясь схватить дармовой обед, но, когда ребята взмахивали руками, они, не долетев, уходили в сторону и опять шли на повторный заход. Ребята же продвигались к сеткам вслед за отливом, становясь к ним всё ближе и ближе, отчего чайки изо всей силы кричали на них, пытаясь отпугнуть криком своих конкурентов.

Мальчишки подошли к сеткам и стали быстро выпутывать рыбу, бросая её в корзины, а Валька, которой вода пока была выше колен, всё ещё медленно приближалась к первому колу. Через десять минут она тоже стала оказывать посильную помощь, доставая селёдин из сеток на уровне своего небольшого роста. А потом, обнаружив внизу сетки мелкую камбалку, стала её разглядывать, положила в глину и стала смотреть, как та в мгновение ока с помощью плавников зарывается в жижу, маскируясь от врагов. Валька её достала и снова бросила вниз. Камбала мгновенно повторила трюк с маскировкой.

«Отчего же Зоя уехала так рано?» – думал Пашка, – «Прём в учебные заведения начинается в конце июня, а она уехала. Может, настояли родители, чтобы не бездельничала? Но она, вроде, не бездельница, родителям всегда помогала. И на складе я её видел с отцом не однажды. Не сказала куда, не оставила адреса, а мне как быть? Говорила, что я ей нравлюсь, а сама уехала, не сказав на прощанье ни слова! Ну и ладно, горевать не буду! Мало что ли невест в деревне?! Таких, правда, больше нет, но найдутся другие невесты!» – он, не спеша, выпутывал рыбу, продвигаясь вдоль сетки.

Вода давно обнажила сети полностью. Чайки, боясь приближаться к людям, перелетали с места на место в стороне. Опытные рыбаки знали, что они только делают вид, что им всё безразлично. Стоит только отвернуться, они тут же вытащат селёдину из сетки или прямо из корзины, хотя корзины они боятся так же, как и людей. Только самые отчаянные и наглые птицы способны на такой поступок.

– Тары нам не хватит! – заявил Вовка, – Валька, беги к отцу, проси ещё одну корзину. Ты, Пашка, оставайся тут, а я понесу полную корзину домой.

– Бога мать! – воскликнул Алексей Сергеевич, когда Валька выложила ему, что тары не хватает, – Не могут сделать, как люди. Обязательно надо гонять девку! Рыбы много – хорошо, я сам схожу за уловом. Ты, Валька, больше не бегай.

В дверях он столкнулся с Вовкой, который едва нёс огромную корзину с рыбой.

– Неси её сразу на склад, – скомандовал отец, – Иракий должен быть там, знает, что рыбаки проверяют сети. Я схожу к сетям и тоже подойду, сам ему буду сдавать.

Зойка не выходила из Пашкиной головы. Когда он остался один, думы его одолели с новой силой. Работу он выполнял машинально, наблюдая за чайками и осторожно выпутывая рыбин, чтобы не испортить их товарный вид. На лето Пашка остался в деревне, рассчитывая с сентября поступать в девятый класс. В свои четырнадцать лет он рассудил здраво и повзрослому, что без полного образования в жизни никуда не устроишься. Неудобство, конечно, было: школа-десятилетка находилась в соседней деревне в сорока километрах, но от этого уже никуда не деться, придётся пожить временно у родственников.

Некоторых ребят, будущих одноклассников, он знал, а с остальными придётся знакомиться. «В конце концов», – думал он, – «Там такие же дети, не лучше и не хуже. Как-нибудь уживусь!»

Кабина лифта внезапно остановилась. Павел оказался в кромешной темноте. Через мгновение слабо засветилась лампочка дежурного освещения.

«Опять выключили электричество», – подумал Павел, – «Что у них там сегодня, день энергетика?»

За многие годы труда на шахте он привык ничему не удив-

ляться и всё воспринимать спокойно. Вот и сейчас он просто ждал, когда его поднимут наверх. В кабине лифта не было комфортно, но вполне терпимо. Даже откуда-то снизу, из преисподней, веяло сквозняком. Вентиляторы хоть и остановились, но воздух по инерции продолжал своё движение.

В новой школе одноклассники все были какие-то не такие. Или Павел не адаптировался в новом коллективе, или девчонки не обращали на него никакого внимания, или делали вид, что он им безразличен, но как-то долго Павел не мог привыкнуть к своим новым одноклассникам. Зато первый же поход в магазин оказался удачным.

Павел долго пересчитывал завалявшиеся в кармане копейки. Он насчитал почти рубль – для школьника целое состояние!

Юноша зашёл в магазин. Посетителей не было. Молоденькая продавщица скучала одна в районе прилавка. Когда вошёл человек, она подошла к прилавку и застыла в ожидании, разглядывая глазами со смешинкой незнакомого покупателя. Она знала наверняка, что от этого клиента навару не будет, но старалась держаться вежливо, чтобы не опорочить честь своего заведения.

Павел машинально окинул взглядом полки, ещё твёрдо не решив, чем полакомиться. А когда он остановился взглядом на продавщице, то забыл вообще, что хотел купить. Такой красоты он просто раньше не видел. В отличие от его школьных сверстниц, девушка выглядела намного женствен-

ней, с безупречными формами и очень красивым приятным лицом.

Так бы они и стояли, глядя друг на друга, если бы в магазин неожиданно не ворвалась другая девушка, имеющая по внешности полную противоположность продавщице, до неприличия некрасивая и с тощей немного неуклюжей фигурой.

– Надька, ты сегодня до сколько? – выпалила она, не обращая никакого внимания на Павла.

– Сегодня целый день, а завтра выходной.

– А я хотела позвать тебя сегодня в кино.

– На последний сеанс успеем.

– Я приглашаю вас обеих сегодня в кино, – обрёл дар речи, наконец, Павел, прикидывая, что его денег на кино хватит и ещё немного останется.

– Разве мы знакомы, чтобы ходить с тобой в кино? – спросила подруга Нади.

– Надю я знаю давно, – соврал Павел, – Ещё с тех пор, когда она была маленькая и ходила в школу, а с её подругой, надеюсь, в кино и познакомимся. Так как, в кино идём?

– Я не против, – сказала Надя.

– Тогда я возьму билеты и буду ждать вас у кинотеатра на последний сеанс, – категорично сказал Павел и направился к выходу.

– Вы же хотели что-то купить? – запоздало спросила Надя.

– Нет, я как раз приходил пригласить в кино, – ответил

Павел, открывая дверь и удивляясь своей, откуда-то взявшейся наглости.

Он сам удивлялся, поэтому поспешно вышел на улицу, чтобы немного прийти в себя.

– Ты его знаешь? – спросила Надю подруга, когда Павел вышел.

– Нет, знаю только, что этот парень из соседней деревни.

– Тогда зачем согласилась? Мы бы в кино и одни сходили.

– Не знаю, мне этот парень понравился.

А Павел шагал домой и размышлял:

«Плохо, что Надя с подругой. В кино мы бы могли сходить вдвоём. Ладно, пусть сегодня идёт с подругой, а то я совсем не знаю, о чём с ней разговаривать. Она мне очень понравилась, поэтому буду терпеть присутствие её подруги. А за билетами, пожалуй, схожу сейчас, куплю на последний ряд».

Юноша ходил до кинотеатра, а потом пошёл домой приводить свою внешность в божеский вид. Выполнение домашнего задания ушло на второй план.

С Надей они стали изредка встречаться, но всегда Надя приходила не одна, а со своей подругой Галей. Так они и передвигались втроём по деревне, пока Павел не сообразил на свидание брать с собой своего нового приятеля по классу Васю. Теперь поневоле при встрече они гуляли парами. Павел оставался с Надей, а Василий по предварительной договорённости уводил Галю, которая ему совсем не нравилась, как можно дальше и быстренько прощался, ссылаясь на возник-

шие неотложные дела. Другу помочь он не отказывался, но гулять с девушкой, которая ему совсем не нравилась, он не хотел.

Так продолжалось длительное время, но не часто: то Надя была на работе, то Павла донимали школьные неотложные дела с контрольными работами, зачётами, семинарами, общественными поручениями и прочей мутью, от которой времени свободного совсем не оставалось.

Но однажды субботним зимним вечером они с Надей договорились встретиться, чтобы погулять. Короткий зимний морозный день быстро превратился в длинный вечер и, когда Павел освободился от школьных дел, быстро пообедав, на улице было совсем темно и очень морозно. На небе мерцали звёзды, а лёгкий ветерок загонял мороз во все потайные уголки куцей одежды. Пашка поёжился, но отважно пошёл на условленное место встречи. Удивительно, но Надя пришла одна, сказав, что Галя в такую погоду гулять не хочет. Она тоже куталась в меховой воротник и зябко поёживалась.

– Где будем гулять? – спросила она.

– Не знаю, выбирай, – сказал Пашка, которому гулять на улице очень не хотелось.

– На улице мы замёрзнем, пойдём ко мне. У меня подружка, с которой снимаем комнату, уехала, никто мешать не будет.

– Пойдём, – сразу согласился Пашка, – Дома гулять в такой мороз лучше, чем на улице.

– У меня дома не лучше.

– Это почему?

– Увидишь.

Когда они зашли в комнату, Павел сразу понял, о чём говорила Надя. В комнате было чуть теплее, чем на улице. Из рта шёл пар.

– Как же вы тут живёте? – спросил Пашка.

– Живём хорошо. Просто у нас кончились дрова, топить печку нечем – это временно.

– А как спать?

– Я эту ночь спала в верхней одежде. Под одеялом не очень холодно.

Разговаривая, Надя выставила на стол бутылку чистого спирта, который продавался в магазине за шесть рублей пятьдесят четыре копейки.

– Я работаю, поэтому я и угощаю, а ты мой гость.

– Но я спирт не пил, только однажды чуть-чуть попробовал.

– Я тоже не пила. Завтра выходной, немного выпьем. Разводить умеешь?

– Разводить я умею, видел, как это делают взрослые.

– Вот тогда и разводи, а я найду что-нибудь поесть и согрею чай.

– А вода-то хоть есть?

– Воды немного с утра было. Она за день не успевает замёрзнуть полностью, только покрывается ледяной коркой.

Сейчас от чайника и от нас станет теплее.

Надя поставила пластинку на диск радиолы и включила песню Эдиты Пьехи.

Пашка разлил содержимое бутылки на две поровну, а затем в одну из них налил ледяной воды, но бутылка всё равно стала чуть теплее.

– Идёт реакция, – произнёс умную фразу Пашка, – Мы по химии проходили.

– А я после восьмого класса учиться больше не стала. У меня мать старая, надо кормить. Я теперь на обеих зарабатываю деньги. Работа не тяжёлая, только целый день надо стоять за прилавком и угождать покупателям, а они все с прибамбасами.

– Как это?

– У каждого свои прихоти: всё нюхают, разглядывают, даже хлеб в руках вертят, чтобы не обманули, а потом и сдачу пересчитывают. Мужики те сдачу кладут в карман, не считая, а женщины всё сосчитают до копейки, не хуже, чем на счётах.

– А я на счётах считать не умею, – сказал Пашка.

– Никакой премудрости нет, нужна привычка.

– Я стопки налил, садись.

Молодые люди, по сути, дети, выпили по полной стопке одним махом, подражая увиденному когда-то у взрослых.

– А тебя дома не утерять? – спросила Надя.

– Я сказал, что буду ночевать у Васьки, – соврал Пашка, –

Что мы будем готовиться к контрольной работе. А тётка у меня всё равно в учёбе ничего не понимает.

– Я тебя ночевать не приглашала, только на прогулку, – Надя хитро сощурила заблестевшие от выпитой стопки глаза.

– Пока я здесь, и ты не замёрзнешь. Ночевать мы долго не будем, – Пашка налил по второй стопке.

А потом они без умолку говорили, вспоминая из своей маленькой жизни смешные случаи. Говорить почему-то очень хотелось, а слушать было не обязательно. Надя переставляла пластинки, иногда пошатываясь, наливала вскипевший чай, а Пашка не забывал разливать спирт. В итоге бутылка оказалась пустая. По своему отсутствующему опыту и слишком молодому возрасту они меру не знали. Время куда-то улетучилось. В холодной комнате дети находились одни, и им было хорошо.

Первой опомнилась Надя:

– А мне завтра после обеда на работу. Я пойду спать. Тебе постелю на раскладушке.

Не дожидаясь ответа, Надя ушла в комнату. Когда Пашка туда вошёл, сразу наткнулся в темноте на раскладушку. Он разделся и забрался под одеяло. Уснуть он не мог, поскольку через некоторое время его стал донимать холод, который неведомым образом проникал под одеяло и остужал тело.

Пашка встал, пошатываясь, нащупал рядом с раскладушкой кровать и полез на кровать.

– Мне холодно, – сказал он.

Надя не спала.

– Ложись, только меня не трогай.

– Я и не собираюсь трогать.

– Мне почему-то не очень хорошо, – сказала Надя, – Всё кружится и немного тошнит.

– Так бывает. Тебе надо очистить желудок.

– Как очистить?

– Пойдём, помогу.

Пашка обхватил полуодетую девушку и, нетвёрдо стоя на ногах, поставил её тоже на ноги. Ему было очень приятно обнимать это послушное тело, но мысль о том, что ей плохо, заставила его передвигаться к ведру.

– Ну, а теперь себе помогай, надо вызвать рвоту. Сунь пальцы в рот.

– Я не умею.

– Тогда это сделаю я.

– Нет, я сама.

После процедуры Пашка поднял её на руки и понёс в постель. Девушка не сопротивлялась и вообще не шевелилась, она уже спала. Юноша положил её на кровать, прильнул к ней вплотную, чтобы не замёрзнуть и, осторожно обняв, тоже провалился в сон.

Утром они проснулись одновременно.

– Ты воспользовался моей беспомощностью, – сказала Надя, пытаясь убрать его руку со своей груди.

Но Пашка только сильнее её прижал. Она больше не сопротивлялась.

С этого дня Пашка жил взрослой жизнью. Он учился в школе и в свободное от учёбы время помогал Наде по хозяйству. Откуда-то появились дрова. Надя не спрашивала, но догадывалась, что Пашке найти их было не просто. Когда она приходила с работы, печь была истоплена и отдавала своё тепло внутрь помещения. В тёплом помещении было уютно и хорошо. Надя приносила с работы продукты и кормила Пашку, который вскоре исчезал, боясь, что об их отношениях узнают в деревне. Ему очень не хотелось, чтобы о них все говорили.

Летом Надя заявила, что поедет учиться в торговый техникум.

– А как же мать? – спросил Пашка, хотя его больше беспокоила не мать, а то, что он опять останется один.

– Маме сейчас лучше. Она меня отпускает, а ей по хозяйству помогут родственники. Мне надо учиться. Восемь классов – это сейчас для работы очень мало. Ты же учишься! Я тоже хочу учиться.

– Учись. Мне тоже придётся уехать через год в армию. Ты ждать меня будешь?

– Не знаю. Не знаю, – повторила она, – Как всё сложится. Несколько лет – это очень много. А если тебя заберут во флот? Тогда ждать надо четыре года, а ты возьмёшь и приедешь с женой.

– Нет, я люблю тебя.

– Это сейчас любишь, а потом вдруг разлюбишь! Я для тебя буду старая.

– Какая же ты старая! – изумился Пашка, – Мы с тобой ровесники.

– Я не хочу сейчас об этом говорить. Ты мне пиши, всё время пиши письма. Мне с тобой хорошо, но загадывать на несколько лет вперёд я не могу, не знаю, как дальше сложится жизнь. Да и тебя я сейчас не хочу связывать по рукам и ногам. Отслужишь в армии, приедешь, тогда и поговорим.

– О чём будем говорить, если ты меня не дождёшься?

– Почему ты так думаешь?

– Ты не сказала, что будешь меня ждать.

– Просто я не хочу об этом говорить и портить тебе жизнь.

Если дать обещание, его надо исполнять.

– В этом ты права. А сейчас?

– Что сейчас?

– Сейчас мы будем вместе?

– Это зависит от тебя. Другого парня у меня нет и не будет!

Пашка притянул её и поцеловал долгим поцелуем.

– Ты всю жизнь собираешься меня целовать? – спросила

Надя, освободившись из объятий.

– Всю жизнь. Вот только схожу в школу, отсижу уроки, и опять буду целовать.

– Школьникам нельзя целоваться, этому в школе не учат.

Мне можно, я уже не учусь, а тебе нельзя.

– В школе много чему не учат! Я буду учиться сам, – Пашка опять притянул Надю к себе.

В подъёмнике было совсем темно, если не считать очень слабого аварийного освещения. Нахлынувшие воспоминания детства полностью завладели Павлом Алексеевичем. Было детство, но теперь Павел отчётливо понимал, что с женщинами, а точнее со своими сверстницами он в те годы жил уже вполне взрослой жизнью, может быть, не сознавая это и не задумываясь о последствиях таких отношений. В те годы ему не хотелось думать не только о детях, но и о семейной жизни с её нескончаемыми взрослыми проблемами. Им просто было хорошо вместе и всё. Это теперь Павел думает не только о прошедшей школьной любви, но и о море, ежедневного созерцания которого он лишил себя сам, выбрав профессию шахтёра, не свойственную коренным северным жителям, поморам. Море ему теперь снилось по ночам. Во сне он был там, на берегу студёного Белого моря, ходил по хрустящей гальке, по водорослям, выброшенным приливом на пустынный берег. Ему снилась рыбалка, огромные серебристые рыбыны сёмги, запутавшиеся в рыбацких сетях, крики чаек, стон морских обитателей в ясную тихую погоду. От всего этого он просыпался и ещё долго с открытыми глазами смотрел в тёмную пустоту, не понимая, что ничего этого нет – это всё приснилось.

В шахтёрскую жизнь он втянулся, как во вредную привычку.

ку, к которым люди привыкают и впоследствии не могут от этих привычек избавиться. Сначала его одолевала романтика, стремление овладеть профессией в совершенстве, а потом всё превратилось в получение постоянного дохода, заработка, без которого жизнь просто немыслима. Постепенно он обзавёлся семьёй. Дети требовали постоянного внимания. Жена стала главной указующей и направляющей силой. Море отодвинулось куда-то на второй план.

Жена не хотела ехать к морю, на Север, где даже летом бывает холодно и неуютно; где одолевает гнус и отсутствие элементарных удобств; где мужики, не стесняясь, входят в дом без стука и в рыбацких сапогах проходят сразу к столу, доставая из-за пазухи непечатую бутылку водки, а уже потом при разговоре начинают вспоминать, есть сегодня праздник или выпить надо просто так, за его отсутствие. Ей эта жизнь казалась странной и незнакомой.

Павел почувствовал, что лифт начали поднимать вручную, используя аварийную лебёдку.

«Что сегодня с электричеством?» – подумал он, – «О плановых отключениях не предупреждали. Я бы в любом случае знал и заранее мог бы всё рассчитать и принять необходимые меры».

Учёба в школе ему давалась легко, но Павел не стремился стать отличником. Его больше привлекали озорство, походы и не менее важным занятием было разглядывать своих одноклассниц и оценивать их достоинства и недостатки. Хо-

тя Павел имел кучу сестёр, целых четыре штуки, сёстры его как-то совсем не привлекали. Они были какие-то скучные и неинтересные, надоедали своим присутствием дома, одевались, как попало, в любые одёжки, что дадут родители, передвигаясь по деревне босиком и сверкая голыми загорелыми ляжками. Павла и других братьев они не слушались, показывая своё превосходство перед братьями и полную независимость. Даже старший брат Вовка был для них не указ. Слушалась всех только Валька, поскольку была самой младшей в семье. А, поскольку она слушалась, её все любили и не обижали. Старшие братья всегда вставали на её защиту.

– Где вас, Бога мать, носит! – распекал детей Алексей Сергеевич, если в доме вдруг заканчивалась вода или не было занесённых дров для большой русской печки, – Я вот займусь вашим воспитанием!

Но заняться воспитанием он тут же забывал, переключаясь на повседневные дела, а дети молча выполняли свои обязанности, споря между собой, кому и куда идти.

Отца дети не столько уважали, сколько боялись, поэтому старались с ним не пререкаться и не попадаться ему лишний раз на глаза.

– Катька, ты почему не помогаешь матери? – не хотел унижаться отец, спрашивая у старшей дочери.

Дочь пробурчала что-то нечленораздельное в ответ и скрылась с глаз. Остальные дети последовали её примеру.

Пашка не был самым старшим, но он был самым шустрым

и самым смышлёным, умея лавировать между старшими и младшими.

– Я пойду за водой, – категорично сказал он, хватая два пустых ведра. Пашка знал, что эта работа самая лёгкая.

Через пять минут полные вёдра стояли на лавке, а Пашка исчез из дома, чтобы не получить случайно очередное задание по хозяйству.

У кромки моря мужики воротом затягивали по каткам из мелких брёвен на берег карбас. Обычно карбаса затягивали на берег перед штормом, но в этот раз шторм не предвиделся, значит, для ремонта или ещё какой другой надобности. Павел стал наблюдать за слаженной работой. Два человека крутили деревянный барабан, наматывая на него пеньковую верёвку, а третий мужчина поправлял нос карбаса, чтобы он шёл по каткам и не чертил брюхом песок и гальку, сдирая смолу на днище.

Только когда карбас оказался на месте, Пашка понял, зачем его тянули. Хозяин лодки стал осматривать гнездо для мачты паруса, которое было вывернуто с креплений. Видать, крепления не выдержали нагрузки от надутого ветром паруса и их вывернуло. Без паруса все походы по морю отменялись, поэтому его надо было восстановить, во что бы то ни стало. На вёслах тоже можно уехать, но для этого надо постоянно работать руками. А зачем работать руками, если есть помощник ветер, который большую часть пути заменяет мускульную силу? Мальчик все эти премудрости знал, как,

впрочем, и другие ребята, которые росли у моря и, которые были незаменимыми помощниками родителям. Имелся у ребят только один недостаток – не всегда хватало сил, чтобы управлять таким большим судном и парусом, а на вёслах сидеть умели все с самого раннего детства.

Пашка ещё в школе не учился, когда отец дал ему в руки весло. Не два весла, как это положено, а только одно, которое мальчик поднимал с большим трудом.

– Гроби! – сказал отец.

– Я не умею.

– Таких слов я не знаю. Садись и гроби. С одним веслом ты должен справиться.

Пашка много раз видел, как это делают взрослые, но одно дело видеть со стороны, а другое дело грести самому веслом, которое он едва поднимает. Когда он вставил весло в уключину, оно оказалось удивительно лёгким и послушным.

– Весло устроено так, чтобы управляться с ним было легко, – пояснил отец, – А вот грести, тебе надо учиться – это целая наука. Если будешь работать неправильно, быстро выдохнешься и устанешь. Грести веслом надо так, чтобы затрачивать как можно меньше физических сил, тогда обязательно придёшь в пункт назначения, где бы он ни находился. Сейчас с одной стороны работать веслом буду я, а с другой – ты. Смотри на меня и старайся повторять все движения.

После многих неудачных гребков Пашка освоил эту мудрёную науку. В следующий раз он уже без подсказок всё де-

лал сам. А, научившись грести одним веслом, быстро освоился с двумя вёслами. Отец брал его с собой к рейсовому пароходу. Плоскодонная деревянная «Бугреница» с малосильным мотором, едва справлявшимся с ветром и волнами, раз в неделю приходила за тем, что успели заготовить поморы. Товар, особенно сёмга, не должен был залёживаться на складах. Его ждал многотысячный областной центр, а также другие города и столица. Пашка был далёк от этой экономики, он просто помогал отцу. Поморы на своих карбасах везли то, что до этого сдавали на склад. Лебёдка судна перегружала всё из лодок в своё ненасытное чрево. Бочки, мешки и ящики ровными рядами укладывались в трюме. А затем морская посуда шла к другим посёлкам, где операция повторялась. Множество вёсельных лодок, перекачиваясь на огромных морских волнах, спешило со своим грузом к пароходу.

А то, что морское судно привозило, перегружалось в опустевшие лодки, которые везли товар к берегу.

Через некоторое время Пашка сам управлялся с огромными вёслами, а отец сидел на корме и управлял нехитрым рулём, подворачивая на волнах так, чтобы лодку как можно меньше трепало волнами.

– У тебя что, руки из заду растут? – кричал с кормы отец, когда Пашка веслом черпал по верхушке волны или, наоборот, погружал случайно одно весло в воду почти вертикально.

– Дык, волны, – огрызнулся Пашка.

– А голова у тебя на што? Вёслами работать надо, но и головой тоже. Должен видеть каждую волну и угадывать её характер и намерения. А ты што? Махашь вёслами, словно упрямую девку хваташь, Бога мать!

Пашка молчал. Он знал, что с отцом спорить бесполезно. От старания он махнул веслом по гребню волны и окатил отца веером морских брызг.

– Чирий тебе в руки, Бога мать! Учишь вас, учишь, а толку нет.

Отец, обидевшись, отвернулся и стал смотреть на море. А Пашка, видя, что внимание к нему исчезло, перестал отвлекаться и грёб, что есть мочи, стараясь не нарушать морские прописные истины.

Его руки давно загубели. Если первое время они были в кровавых мозолях, то теперь никаких мозолей не было. Только натруженные мышцы после таких поездок ныли и давали о себе знать, но Пашка знал, что такая зарядка ещё никому не навредила, а только шла на пользу.

Лифт остановился, прервав нахлынувшие воспоминания. В это время и вспыхнул потерявшийся надолго электрический свет.

Павел вышел из кабины и задал свой давно назревший вопрос:

– Что сегодня с электричеством?

– Это не у нас, это где-то на линии, какая-то, говорят, ава-

рия была, – ответил ему один из многочисленных спящих туда-сюда людей.

Павел Алексеевич окинул взглядом открывшийся ландшафт, ничем не примечательный с видневшейся невдалеке конторой, горой отработанной породы, какими-то сараюшками, валяющимся хламом, бульдозером на переднем плане и просто беспорядком на территории.

Павел вздохнул и подумал:

«И как это я раньше всего этого не замечал, отработал столько лет и не видел этой удручающей картины! Я наверно и о природе не думал. Всё работа, работа..., семья, дети. Впрочем, я хотел воспитать и вырастить детей, а уже потом заняться своими собственными делами. А сейчас? А сейчас я готов ехать к морю. Пусть без жены, без детей, но к морю, туда, где я родился, вырос и вышел в люди. А семья теперь может пожить и без меня. Дети взрослые, жена без меня не соскучится, а скорее, наоборот, от меня отдохнёт».

Бульдозер неожиданно рывкнул и стал разворачиваться на одном месте. Свет в электрических лампочках горел и больше не гас. Павел это отметил машинально. Несмотря на свои тяжёлые думы, о горняках он заботился всегда.

«Теперь бригада в безопасности», – подумал Павел, – «Электричество есть, значит, вентиляция работает в полную силу, механизмы тоже. А я зря расклеился от своих воспоминаний. Ничего не мешает мне взять отпуск и ехать отдыхать. Люди едут на юг, а я отдыхать поеду на Север, на Белое

море. Кто мне запретит? Никто. Люди не знают, что такое сёмужий промысел. Эта рыба украшение поморских столов. Для себя её ловить запрещают, но какой же рыбак откажется выловить несколько экземпляров для себя? Никакие запреты не помешают. Рыбак должен жить с рыбой и ею же угощать гостей!»

Школу Павел закончил на малой Родине, но потом захотелось проверить себя где-то ещё, тянуло туда, где никогда не был, в столицу, в далёкие края. С Надеей они расстались. Павел ей был не нужен. Она хотела мужчину, который бы её мог прокормить и вырастить её детей, а Пашка просто был маленьким приятным приключением. Пашка оканчивал школу и, как-то так получилось, что он снова влюбился, но теперь уже в учительницу.

Галина Степановна была учителем музыки, симпатичная, весёлая и озорная. Хотя она старалась выглядеть солидно, но возраст её выдавал с головой. Она выглядела всего лет на пять старше своих учеников.

Пашка на уроке неотрывно на неё смотрел, слушал, что она говорит и наслаждался музыкой её баяна. Он не замечал, смотрят ли на неё другие парни, не видел, что делают окружающие, он видел только её и больше никого. Пашка не знал, замечает ли она его взгляд, не знал, как к ней подступиться, как заговорить. Он её боялся, стеснялся и любил. Любил так, как любят любимых артистов, заочно, тайно и без всякой взаимности. А озоровать Павел приспособился и на

её уроках тоже. Он старался ей не досаждать, но пел, когда хором пел весь класс, он совсем другую песню. Если класс пел «Не слышны в саду даже шорохи...», то он пел: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд...». В общем хоре учительница никак не могла понять, откуда в стройный хор примешиваются слова из другой песни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.